

внутренние светлые потенции несчастных. Душа обитательниц публичного дома жива, и она, несомненно, более чиста, чем у тех, кто сюда приходит. Просто, по словам Платонова, «нет в ней той лжи и того притворства перед людьми и перед собою, которые опутывают все человечество сверху донизу». Любовь дает Любке надежду для того, чтобы «сопротивляться неизбежности вторичного падения»; сдалась она только после нескольких голодных дней, проведенных на улице под дождем. Женя, Тамара, остро переживая свое унижение, пытаются, каждая по-своему, отомстить всему миру, заражая, убивая, но одновременно страдая за себя и за других. «Мы, которых вы лишаете невинности и потом выгоняете из дома, а потом нам два рубля за визит... мы всегда ненавидим вас и никогда не жалеем», — говорит Женя и в то же время жалеет и отпускает от себя невидимым юного кадета, благословляя его, словно святая.

Вина развращенного общества перед всеми людьми, живущими в верхах и внизу, — вот почему посвящена повесть «Яма». Этот трагический аккорд особенно был значителен в тягостные военные годы.

Первую мировую войну Куприн принял с патриотическим настроением. По его мнению, разгром немецкого милитаризма должен был «обеспечить Европе и всему миру полный плодотворный отдых от войны и вечного изнурительного вооруженного мира», а значит, и приблизить установление гармонии в обществе. Исходя из этого же убеждения, в статье «О войне» (1914), вышедшей в альманахе «Война», художник приветствует единение всех классов России в их борьбе с врагом. В ноябре 1914 года Куприн призывается на военную службу, до апреля 1915 года командует пехотной ротой в Гельсингфорсе; в мае демобилизован по болезни.

В прозе этих лет художник осваивает новое направление — сатирическое развенчание внутренне уродливого человека («Груня», «Канталупы», «Интервью», 1916). А в противовес этой теме открывает чистую детскую душу: кадета, влюбленного в весну, природу, случайно встретившего истинную красоту ставшей для него «принцессой» девушки («Фиалки», 1915), мальчика, живого смелого выдумщика, впервые узнавшего женскую доброту («Храбрые беглецы», 1917).

Февральские события Куприн приветствует как свободу. Сближается с эсерами и редактирует их газету «Свободная Россия». Октябрьская революция принята писателем настороженно: его страшат разруха, межчеловеческая вражда. В июле 1918 года за написание статьи в защиту великого князя Михаила Александровича следует кратковременный арест Куприна органами петроградской чеки. Тем не менее он принимает после освобождения некоторое участие в культурных мероприятиях. По просьбе Горького работает для издательства «Всемирная литература», становится членом Союза Деятелей художественной литературы, пытается основать беспартийную газету «Земля» (декабрь 1918 — январь 1919). После неудачи в этой области Куприн уезжает в Гатчину. Осенью 1919 года сюда входят войска генерала Н. Н. Юденича, которого он приветствует как спасителя, начинает редактировать штабную газету «Приневский край». Затем вместе с отступающей Северо-Западной армией через Нарву и Ревель приходит в Гельсингфорс. Отсюда летом 1920 года по приглашению И. А. Бунина переезжает в Париж.

Оказавшись вне родины, Куприн утратил ту возможность своего творчества, о которой говорил в интервью 1926 года: «О чем же писать? Не настоящая здесь жизнь. Нельзя нам писать здесь. Писать о России? По зрительной памяти я не могу. Когда-то я жил тем, о чем писал... А теперь что? Все пропадает?» Душевный разлад усугубляли и бытовые неурядицы, о чем подробно рассказывает Ксения Куприна в своих воспоминаниях «Куприн — мой отец». Сперва художник ограничивался изданием произведений, написанных еще в России. И лишь в 1927 году вновь берется за перо. Он пытается вырваться из плена тягостных мыслей о невозполнимом разрушении прошлой жизни. То погружается в волшебный мир вымысла, радуясь добру, честности и красоте («Скрипка Паганини», 1929; «Геро, Леандр и пастух», 1929; «Синяя звезда», 1927). То воспеваает полнокровную жизнь — выдающихся циркачей, боксеров («Лимонная корка», 1920; «Ольга Сур», 1929; «Блондель», 1933). Нередко обращается к существам самым чистым и честным в этом мире: детям и животным («Ю-ю», 1927; «Пуделиный язык», 1927; «Ральф», 1934). О природе, духовно обогащающей человека, рассказывает в повестях «Ночь в лесу», «Вальдшнепы» (1933). И все же большинство произведений, созданных в эмиграции, проникнуты чувством щемящей тоски о минувшем, исчезнувшем безвозвратно: «Все это я вспомнил, рассматривая на днях давнишние фотографии. Десять — двенадцать лет прошло от того времени, а кажется — сто или двести. Кажется, никогда этого и не было: ни славной армии, ни чудесных солдат, ни офицеров-героев, ни милой, беспечной, уютной, доброй русской жизни. Был сон» («Сашка и Яшка», 1927).